

СЛУЖИТЕЛИ ПРЕКРАСНОГО

«Художник — это служитель прекрасного. Это тот, кто спасает истину от искажения и, среди волнений и суеты жизни, дает нам возможность прикоснуться к вечному источнику радости.

Подобно золотоносному песку, прекрасное расбросано по всей вселенной».

Так говорит знаменитый художник, Бааб Чандра Чоодури в своей статье «Художник и красота в искусстве», в недавнем выпуске «Двадцатого столетия».

Большую радость доставляет чтение столь глубоко продуманной статьи, в которой сам художник подтверждает значение красоты. Ведь было и такое время, когда, неизвестно почему, считалось, что художник не должен быть в то же время и писателем. Иногда подобное неестественное предубеждение доходило до того, что согласно решения импрессиарио, один талантливый композитор не был допущен выступить перед публикой в качестве дирижера. При этом было указано, что подобным выступлением будет нарушено общественное мнение. Можно представить как стали бы смеяться над всей нелепостью подобного метода борьбы с творческой мыслью такие художники как Леонардо да Винчи, Визари или Челинчи.

Казалось бы, что в истории искусства имеется много убедительных примеров того, как люди, посвятившие себя красоте, выражали это многообразными путями, выбирая то, что в данный момент представлялось наилучшим. Как прекрасно сочетали они живопись с архитектурой или со скульптурой, не говоря уже о мозаике и различных графических искусствах.

Как священнослужители служили они красоте, находя ей на более убедительные выражения для благотворного влияния на широкие массы людей и утончая сознание народа.

Ренессанс в Индии

В Индии настоящего времени мы отмечаем возрождение искусства. Появляются плеяды славных художников, открываются государственные галереи и снова

фрески украшают общественные здания. Лучшие художники возглавляют Школы искусства, и разрушены все искусственные барьеры между «великим» и «прикладным» искусством. По истине, красота величественна во всей своей многоликости. И во многих ежемесячных журналах и изданиях принято найти страницу посвященную искусству, и многочисленные художественные репродукции, как новых, так и старых мастеров.

Может быть кто нибудь улыбнется и подумает: «Все это звучит очень вдохновляюще, но что же можно сказать относительно той тяжелой, полной трудностей, жизни, которая часто выпадает на долю служителей искусства». Конечно, их жизнь не легкая, так же как нелегко всякое героическое достижение. Никто не считает, что жизнь Рембрандта или Рубенса была легкой. Ведь только сравнительно недавно их имена стали общепризнанным достоянием вне всяких сомнений. Но мы знаем, что прекрасные шедевры Рембрандта, которые ему было поручено написать, были забракованы местными авторитетами и городскими властями. Мы знаем также, что в Риме Микель Анджело пришлось вынести большие испытания и трудности. И хотя время украшает все страдания эпической красотой и спокойствием, все же, сколько трагедий остается скрытыми позади пышного парчевого занавеса времени.

Мы все знаем о мучениках науки подобных Копернику, Галлилею, Парацельсу, Лявуазе и о безчисленном количестве других пострадавших за истину. Даже существуют целые книги посвященные этим мученикам знания. И весьма близким к ним по духу должны бы существовать и другие издания под заголовком «Мученики искусства и культуры». А раз мы знаем, что служители искусства есть служители прекрасного, то и все прочие атрибуты такого достижения являются также неизбежными.

Николай Рерих.

Гималаи.

Вторник, 6-го Июля 1937 года

ВАНДАЛИЗМ И КРАСОТА

Много уже было написано о вандализме. Мы утвердили знамя мира, как Красный Крест культуры, чтобы охранить истинные сокровища человечества. А теперь позвольте мне упомянуть о другом, хотя и скрытом, но жестоком вандализме, который продолжает спокойно существовать в жизни многих народов.

Изучая старых мастеров, мы часто сталкиваемся с тем обстоятельством, что на многих старых и ценных полотнах были написаны другие картины, уже совсем иного содержания и при том художниками более низшего разряда. Очевидно, что было время, когда эти старые картины становились старомодными, и художники попросту использовали дерево и материал для более позднейших и более модных рисунков. Не следует думать, что подобным варварским манипуляциям подвергались лишь картины второстепенного значения. Напротив, среди зарегистрированных случаев, можно найти несколько выдающихся вещей, которые в наше время занимают почетное место в истории искусства.

Я помню как однажды в Италии, во время изучения прекрасной картины «Вирго Интер Виргинес», мы были поражены, что она оказалась в исключительно хорошем состоянии. Когда же мы выразили по поводу этого факта наше удивление, мы получили весьма необычайное, хотя и характерное пояснение. Оно было следующее: в начале 17 века эта картина, повидимому, уже считалась вышедшей из моды, и поэтому, на ней, несмотря на ее религиозный сюжет, была нарисована другая, тоже религиозного содержания, а именно, «Селовек» и в таком виде она оставалась в одном монастыре. Эта вторая картина была много ниже по достоинству чем первоначальный шедевр. И только, сравнительно недавно, через вложенный второй рисунок, стали слабо просвечивать едва различимые контуры другой картины. И лицо, купившее эту недорогую картину у монастыря, решило снять верхний слой и таким образом был обнаружен этот прекрасный шедевр. Теперь эта картина украшает Институт Искусства в Чикаго.

Мне лично также довелось видеть копию одной хорошо известной картины, выполненную Корреджио. Картина эта находится в Национальной галерее в Лондоне и на этой копии я был в состоянии ясно видеть очертания старого рисунка и, разумеется, последний оказался много старше чем сама копия. Однажды нам пришлось быть свидетелями того, как из под рисунков картин семнадцатого и восемнадцатого столетия, появились, и при том в отличном состоянии, прекрасные оригиналы полотен Ламберта, Домбарда, Роджера ван дер Вейдена и Адриена Блюмарта и других равных им знаменитых художников. И уже теперь, в последнем апрельском выпуске Бюлетеня Музея Изыанных Искусств в Бостоне мы находим чрезвычайно поучительную историю о портрете сэра Вильяма Бутта, исполненном Гансом Холбейном младшим. Мы позволим себе привести несколько строчек из этой статьи:

«17 ноября 1935 г. этот музей приобрел замечательный портрет, кисти Ганса Холбейна младшего. При взгляде на эту картину знатоки отказывались верить, что Холбейн мог нарисовать такую вещь, и они имели на то хорошие причины. Так как древность картины была повидимому три с половиной столетия, то с уверенностью можно было считать, что она не принадлежала кисти Холбейна. Однако, недавно один из друзей семьи

Буттов, которым картина принадлежала с самого начала, вплоть до того времени, когда она перешла в музей, некто Н. М. Джонас — по профессии художник, обратил внимание на тот факт, что руки, казалось были нарисованы несколько иначе чем остальная часть портрета, что указывало на более раннюю манеру письма. Портрет был подвергнут испытанию X-лучами, и с их помощью, под ними был обнаружен другой портрет X. — лучи обнаружили уже другую форму шапки, большую бороду, другую цепь и платье украшенное белым шелком, причем также была найдена надпись на заднем фоне. Затем начались трудности, связанные с ее реставрацией. Первая реставрация была предпринята г-ном Нико Джунгамом. Это была чрезвычайно трудная задача, т. к. поверхностный слой был почти того же самого времени как и картина находящаяся под ним. Было очевидно, что тот, кто позировал для портрета, приказал, чтобы он был снова перерисован. Мы не можем с уверенностью сказать когда именно это было сделано, хотя вероятно это случилось в 1563 г., когда Королева Елизавета приехала в Торнэдж, где в честь ее было устроено пышное празднество. И весьма вероятно, что сэр Вильям, будучи в то время уже пожилым, и занимая большой государственный пост, захотел, чтобы на портрете он был изображен в ином костюме и украшениях. Поэтому он распорядился, чтобы его снова нарисовали при соответствующих регалиях и таким, каким он выглядел в то время. Вся беда заключалась в том, что это было поручено выполнить художнику, который был много слабее первого».

Из всей этой истории можно

вывести два заключения. Первое: мы должны воздать должное администрации Бостонского Музея Изыанных Искусств, а также и самому реставратору, который выполнил эту чрезвычайно трудную работу столь успешно, и таким образом открыл для мира изумительный оригинал картины великого художника, картины уже освобожденной от более грубых наслоений и надрисовок. Второе: этот поучительный исторический случай еще раз указывает нам на то, что вандализм допускает ся не только руками разъяренной толпы, но случается и в тишине покоев именитых дворцов, во имя торжества тщеславия и пред рассудков.

Прекрасная необходимость

Красота не может быть охранена одними лишь установлениями и законами. Только когда человеческое сознание поймет безценные сокровища красоты, творящие, облагораживающие и утончающие людей, только тогда истинные сокровища человечества будут в безопасности. И отнюдь не следует думать, что вандализм, будь он явным или тайным, принадлежит лишь прошлым векам, и каким либо легендарным вождям и завоевателям. Даже в эти дни мы видим разнообразные формы проявления вандализма. Поэтому движение имеющее целью охранить и спасти красоту, совсем не есть нечто отвлеченное и туманное, а на оборот, это самая настоятельная, нужная и неотложная задача.

Действительно образование в области искусства и красоты не обходимая вещь. И хотя эта необходимость прекрасна, однако, она все же накладывает и долг и обязательства. Мы всегда радуемся, когда видим, что мысль претворяется в действие. И поэтому открытие новых школ, и основание Международной Академии Искусства всегда было и будет горячо приветствуемо.

Н. Рерих.

Гималаи.

ЦЕННОСТЬ ДЕЯТЕЛЬНОЙ КРАСОТЫ

Шестнадцать лет тому назад мы написали следующие девизы на щитах Художественного Института Соединенных Искусств и Международного Центра Искусств в Нью Йорке:

«Искусство объединит все человечество. Искусство едино и неделимо. И хотя оно имеет много ветвей, оно все же едино. Искусство есть утверждение грядущего синтеза. Искусство для всех. Истинное искусство даст радость каждому. Врата «священного источника» должны быть широко открыты для всех, и свет искусства озарит многие сердца новой любовью. Вначале это чувство будет бессознательным, но потом оно очистит человеческое сознание. Сколько молодых сердец идут в поисках реального и прекрасного. Дайте им это прекрасное. Дайте искусство народу — его место там. Мы должны иметь не только музей, театры, университеты, публичные библиотеки, вокзалы и госпитали, но даже тюрьмы должны быть украшенными и прекрасными. Тогда тюрьмы не останутся существовать.

Человечество стоит лицом к лицу с грядущими явлениями космического значения и величия.

И люди уже понимают, что происходящие события не случайны. Ибо близко время для созидания будущей культуры. На наших глазах происходит переоценка всех ценностей. Среди гор обезцененных банкнот, человечество нашло реальную ценность мирового значения. Истинные сокровища великого искусства победно выдерживают все бури земных столкновений. И даже «земные» люди уже понимают жизненную необходимость действенной красоты. И когда мы превозглашаем: любовь, красота, действие, мы действительно знаем, что утверждается формула международного языка. И эта формула, которая теперь принадлежит музеям и кафедрам, должна ныне войти в повседневную жизнь. Знак красоты откроет все священные врата. Под знаменем красоты мы будем радостно двигаться вперед. Красотою мы победим. Красотою мы объединены. И ныне утверждаем эти слова, не на снежных вершинах, но среди шума и суеты ложи города. И осознавая путь истинной реальности, мы приветствуем будущее улыбкой счастья и радости».

Прошло 16 лет и мы видим, что все требования понимания красоты, предъявленные сделались еще более неотложными и настоятельными. Все, что было сделано в этом направлении, все еще остается лишь одиночными островками. Красота не может мириться с условиями и ограничениями. Сокровища красоты принадлежат всему миру. Поэтому забота об искусстве и знании является всеобщей обязанностью во вселенском масштабе.

Культура или почитание света зиждется на краеугольных камнях красоты и знания. И если возникла прекрасная необходимость основать Красный крест культуры и вселенское знамя, напоминающее людям о сокровищах культуры, значит это прекрасная необходимость была также и неотложной. Культура, красота и знание нарушаются не то

болезней достигается с помощью звука и цвета, таким образом, красота эта совершенная панацея, входит в новом одеянии в жизнь. Люди много беспокоятся о своем здоровье. Пусть хоть это соображение, по крайней мере, научит их уважать и охранять красоту. Полвека тому назад наш великий Достоевский сказал: «Красота спасет мир». Среди наиболее глубоких определений искусства, мне вспоминаются две легенды, одна из китайского Туркестана и другая из Тибета.

Один художник хотел получить за свою картину некоторую сумму денег и когда он пришел к заимодавцу, никого кроме мальчика не оказалось дома. Этот мальчик выдал художнику за его картину очень большую сумму денег. Когда хозяин вернулся домой он сказал: «за эти плоды и овощи ты дал так много денег». И прогнал мальчика. Прошло время и художник вернулся за сво-

были положены так искусно, что во время холодной погоды цвета тускнели и исчезали, но с теплом снова возвращались. Так прекрасно народ Кушара говорит о совершенном искусстве.

А вот и другая легенда из Тибета: почему гигантские трубы в буддийских храмах имеют такой мощный резонанс. Правитель Тибета решил призвать из Индии, где жил благословенный, одного великого учителя, чтобы очистить основы учения. Но как же встретить ему высокого гостя. Золото и драгоценные камни не годились для того, чтобы пригласить духовного учителя. Тогда высокий лама Тибета, которому было видение, дал рисунок новой гигантской трубы, чтобы гость мог быть встречен небывало величественными звуками, и встреча действительно была необычайной — не богатством и золотом, но величием прекрасного звука.

лько во время войны, но равным образом и, в так называемое, мирное время, эта истина также отнесется ко всему миру.

Если бы кто **нибудь** обладал сосудом содержащим чудесную панацею, как бережно охранял бы он такое сокровище. Но ведь красота является той же самой творящей чудеса панацеей, и как таковая она требует зоркой и неусыпной преданности.

Теперь в госпиталях излечение

ей картиною. Когда он увидел то, он в испуге воскликнул: «А где же мои бабочки. Иди и найди мальчика, чтобы он помог разыскать мою картину. На той картине, которую мне показали, имеется лишь одна капуста». Наконец пришел мальчик и сказал: «Теперь зима, а бабочки прилетают лишь летом. Поставь картину ближе к огню, и вы увидите, что бабочки вернутся». Так оно и случилось: краски на полотне

Учитель мог быть встречен лишь чем то действительно прекрасным. Чувство прекрасного должно быть тем жизнедающим семенем, той истинной панацеей, которая заставляет процветать пустыни земные и духовные.

И откуда же еще может придти ощущение единства и доброжелательства, как не через благословенное осознание прекрасного.

Николай Рерих.

Гималаи.

Рассказ, 10 окт. 1937